

«Уход на богомолье» и «бегство от антихриста»:  
старообрядцы-странники Саратовской губернии  
во второй половине XIX в.  
(по архивным материалам ГАСО).

*Часть 1: Основные вехи истории странников  
и их появление в Саратовском Поволжье*

Владислав А. Карташов

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,  
Саратов, Россия, ya.qwe987@yandex.ru*

*Аннотация.* Статья посвящена истории согласия старообрядцев-странников в Саратовском Поволжье в позднеимперский период (вторая половина XIX в. – начало XX в.). Приводится общая характеристика данной религиозной группы, их учения и истории существования, анализируются особенности тематической историографии. Подчеркивается уникальность феномена странничества в религиозном ландшафте провинции Российской империи: бегуны проповедовали радикальные эсхатологические идеи, однако в то же время сохраняли определенную включенность в социальные структуры внешнего мира. В фокусе внимания публикации – целостная история старообрядцев-странников в Саратовском Поволжье, проникших на его территорию в 60-е гг. XIX в. Активная проповедь странников вызвала рост последователей среди саратовских крестьян, однако специфический образ жизни странников, вдохновленный учением о «побеге от антихриста», неизбежно привлекал к себе внимание местной администрации и священников. Обращение к ранее неопубликованным архивным материалам ГАСО показывает, что странническое согласие подвергалось преследованию за бродяжничество, незаконное укрывательство единоверцев, а также тайные похороны умерших, исчезновение которых вызывало озабоченность у полиции. В заключении статьи сформулированы выводы о неоднозначности интерпретации социальных и религиозных практик странников: несмотря на итоги следственных процессов, подобные случаи давали почву для различных негативных слухов о старообрядцах.

*Ключевые слова:* старообрядцы-странники, следственные процессы, эсхатология, религиозные практики, Саратовская губерния, Государственный архив Саратовской области

Статья поступила в редакцию 28 июня 2025 г.;

принята к публикации 10 ноября 2025 г.

*Для цитирования:* Карташов В.А. «Уход на богомолье» и «бегство от антихриста»: старообрядцы-странники Саратовской губернии во второй половине XIX в. (по архивным материалам ГАСО). Часть 1: Основные вехи истории странников и их появление в Саратовском Поволжье // История и архивы. 2026. Т. 8. № 1. С. 28–40. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-1-28-40

“Going on a pilgrimage” and “fleeing from the antichrist”:  
the Old Believers-wanderers of the Saratov province  
in the second half of the 19<sup>th</sup> century  
(based on the archival materials of the GASO).

*Part 1. The main milestones in the history of the wanderers  
and their appearance in the Saratov Volga region*

Vladislav A. Kartashov

*Saratov State University, Saratov, Russia,  
ya.qwe987@yandex.ru*

*Abstract.* The article is devoted to the history of the Old Believers-Wanderers consent in the Saratov Volga region in the late imperial period (the second half of the 19<sup>th</sup> century – early 20<sup>th</sup> century). The article provides a general description of this religious group, their teachings and history of existence, and analyzes the features of thematic historiography. The uniqueness of the wandering phenomenon in the religious landscape of the Russian Empire province is emphasized: the Wanderers preached radical eschatological ideas, but, at the same time, maintained a certain involvement in the social structures of the outside world. The publication focuses on the holistic history of the Old Believers-Wanderers in the Saratov Volga region, who penetrated this territory in the 1860s. The active preaching of the Wanderers caused an increase in the followers among the Saratov peasants, but the specific way of life of the Wanderers, inspired by the teaching about “escape from the antichrist”, inevitably attracted the attention of the local administration and the priests. An appeal to the previously unpublished archival materials of the State Archives of the Saratov region (GASO) shows that the wandering community was persecuted for vagrancy, illegal harboring of fellow believers, and secret burials of the dead, whose disappearance was of concern to the police. The article ends with formulating conclusions on ambiguity in the interpretation of the Wanderers’ social and religious practices: despite the results of the

investigative processes, such cases gave rise to various negative rumors about the Old Believers.

*Keywords:* Old Believers-wanderers, trials, eschatology, religious practices, Saratov province, State Archives of the Saratov region

The article was submitted for publication 28.06.2025;

accepted for publication 10.11.2025.

*For citation:* Kartashov, V.A. (2025), “ ‘Going on a pilgrimage’ and ‘fleeing from the antichrist’: the Old Believers-wanderers of the Saratov province in the second half of the 19th century (based on the archival materials of the GASO). Part 1. The main milestones in the history of the wanderers and their appearance in the Saratov Volga region”, *History and Archives*, vol. 8, no. 1, pp. 28–40, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-1-28-40

## Введение

Старообрядчество как многогранный религиозно-культурный феномен продолжает оставаться в фокусе внимания современных исследователей-гуманитариев несколько десятилетий подряд. Актуализация изучения его социально-религиозной истории не случайна, поскольку многие противоречивые и парадоксальные ее аспекты по-прежнему требуют взвешенной оценки исследователей. Старообрядчество – пестрый калейдоскоп сообществ, которые в литературе принято называть согласиями и толками. Изучение этих религиозных групп часто было неравномерным. Старообрядцам-странникам «повезло» в плане исследования. Уже в дореволюционное время странникам или бегунам<sup>1</sup> стали посвящать отдельные работы. Ключевым направлением их изучения являлась официальная историография, воплощенная в трудах православных миссионеров и имперских чиновников. Начиная с 60-х г. XIX в. появилось множество текстов о бегунах: отметим сочинения Н. Ивановского и И. Пятницкого, внесших немалую лепту в исследование странничества<sup>2</sup>. Обособленное внимание к этому феномену проявилось в так называемой «народнической историографии».

---

<sup>1</sup> Самоназвание старообрядческого согласия – «истинно-православные христиане-странники». В источниках и дореволюционной литературе чаще можно встретить наименования «бегуны», «скрытники» и «подпольники» (или «подпольщики»), реже попадаются более экзотические имена с намеком на их деструктивные практики.

<sup>2</sup> *Ивановский Н.И.* Внутреннее устройство секты странников или бегунов. СПб., 1901. 103 с.; *Пятницкий И.К.* Секта странников и ее значение в расколе // Богословский вестник. 1906. Т. 1. № 3. С. 431–468.

Знаковым трудом, конечно, является сочинение народника-демократа А.П. Щапова, давшее импульс для исследования старообрядчества и религиозных диссидентов в целом в либерально-народнической среде<sup>3</sup>. Свой вклад внесли В.И. Кельсиев, который собрал серьезную подборку о бегунах, и И.Н. Харламов, оценивавшие феномен странничества, прежде всего, как социальный протест против машины государственного принуждения<sup>4</sup>. Несмотря на накопление массива материалов и осмысление ряда проблем, общий подход дореволюционных исследователей имел свои нюансы, к которым следует относиться с осторожностью. Многие авторы руководствовались, по определению известного специалиста А. Мальцева, «недифференцированным подходом» [Мальцев 1996], т. е. старообрядчество, равно как и отдельное течение странников, рассматривалось и в историческом, и в социальном контексте как единый монолит, подверженный общему схематизму. Кроме того, многие авторы исходили из ангажированных посылок и некритично относились к сведениям сомнительного характера.

Согласие старообрядцев-странников появлялось в фокусе внимания и современных исследователей. За прошедшие десятилетия вышло немало работ, где затрагивалась разнообразная проблематика существования странников, от генезиса идеологии до социокультурного контекста и интеграции в местный религиозный ландшафт. Серьезным достижением стало введение в научный оборот новых источников. Отметим, что большие успехи были достигнуты в публикациях и монографиях А. Мальцева и Е. Дутчак [Мальцев 1996; Мальцев 2000; Дутчак 2007]. Среди работ последнего времени выделяются публикации историков М. Пулькина [Пулькин 2020] и в особенности И. Кузинера [Кузинер 2021а; Кузинер 2021б].

И все же, несмотря на указанные достижения, важно отметить, что целостная история этого сложного феномена на всех этапах его развития, в частности в пореформенный период, по-прежнему далека от завершения. Задача состоит не только в том, чтобы преодолеть обобщенные и типологические представления, взращенные со времени дореволюционной историографии, но и конкретизировать аспекты страннической истории. Пожалуй, стоит признать, что едва ли возможно обнаружить факты, способные перевернуть

---

<sup>3</sup> Щапов А.А. Земство и раскол II (Бегуны) // Сочинения А.П. Щапова: В 3 т. СПб.: М.В. Пирожков, 1906. Т. 1. 803 с.

<sup>4</sup> Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиевым: В 4 вып. Вып. 4. Л.: Trübner & Co, 1862. 343 с.; Харламов И.Н. Странники: Очерк из истории раскола // Русская мысль. М., 1884. Год пятый, кн. 4. С. 197–229; Год пятый, кн. 5. С. 93–135; Год пятый, кн. 6. С. 44–69.

наши представления о бегунах, однако многие источники детализируют их и раскрывают социальный и культурный опыт самобытных религиозных групп. Уместно было бы сфокусироваться на региональном и локальном измерении существования страннических общин, поэтому целью исследования является реконструкция целостной картины бытования старообрядцев-странников в Саратовской губернии в пореформенный период (вторая половина XIX в. – начало XX в.). Ключевыми источниками, отразившими сведения о них, являются, в первую очередь, документы следственного и судебного делопроизводства. Немало интереснейших документов отложилось в фондах Государственного архива Саратовской области (ГАСО): среди них фонды Саратовского губернского правления (ф. 2), Золотовского удельного приказа (ф. 74), Саратовской духовной консистории (ф. 135), Саратовской архивной ученой комиссии (ф. 407). К анализу этих и других документов с использованием дополняющих сведений из региональной периодической печати мы и обратимся.

### *Странническое согласие в Российской империи и его открытие*

Что же представляла собой «загадочная» секта странников-бегунов? Данное согласие возникло в середине 1760-х гг. на основе наиболее протестного ядра старообрядцев, не согласных с умеренной позицией своих собратьев. Как и предыдущие старообрядческие толки, странники считали себя сообществом «избранных верующих» и единственными верными носителями «истины» в «последние времена». Радикализм бегунов воплотился в идеях «ухода» или «побега от мира», неизбежного в условиях тотального эсхатологического кризиса. Эти эсхатологические лозунги активно проповедовались в 1780-х гг. иноком Евфимием. «Вечное странствование» должно было стать перманентным образом жизни члена согласия, однако воплощение оно могло получить в самых разных формах. Однако, как верно отмечено А.И. Мальцевым, концепция побега не означала четко выраженной доктрины и впоследствии не раз становилась предметом религиозных дискуссий [Мальцев 1996].

Фокусом религиозных и социальных практик было избегание контактов с «грешным» миром и контроля со стороны «антихристовых» властей. Со временем стало ясно, что тотальное «затворничество» и герметичность «богоспасаемых» общин в полной мере воплотить было невозможно. Радикальный эсхатологический пафос стал «затухать», а религиозные и социальные практики странников трансформировались в сторону более компромиссного

варианта. Уже в ранней истории среди странников выделялись «беглые» (собственно странники) и «мирские», находившиеся для вступления на путь побега на «исправлении». Со временем на основе последних выделится целый институт «жиловых» бегунов, обязанных содержать своих единоверцев, прошедших крещение и совершающих подвиг странствия. В отличие крестившихся собратьев, «жиловые» были активно вовлечены в социальную деятельность. Они занимались конспиративными мерами и укрывали своих «странствующих» единоверцев, создавая крупные узлы сложной конфигурации взаимодействия структуры странников. Как писал дореволюционный исследователь раскола Н. Ивановский, «жиловые последователи бегунства, посвящаемые во все секреты внешнего течения жизни действительных странников, оказывают ему неоцененные услуги; они представляют собою те ширмы, за которыми кроется вся жизнь секты и благодаря которым все идет своим порядком, в полном секрете от окружающей среды»<sup>5</sup>. То есть «странноприимцы» выполняли функции прагматического плана, среди которых были хозяйственно-бытовое обустройство жизни общин, предоставление жилья для «странствующих» единоверцев, а также поддержка коммуникации.

Подобные социальные компромиссы вызывали споры внутри страннической среды и привели к постепенной дифференциации старообрядцев этого согласия к середине XIX столетия. Результатом внутренних противостояний стало выделение крупного крыла странников, локализованного в основном в Ярославской губернии: в литературе они часто именуется «статейниками». Его консолидация связана во многом с деятельностью Никиты Семенова – крупного начетчика и писателя, автора полемических сочинений, которые определили внутренний порядок страннического сообщества и его иерархию<sup>6</sup>. Благодаря Семенову и его сподвижникам скорректировалась и эсхатология, где были сглажены ее радикальные черты [Мальцев 1996]. Несмотря на внутренний протест, именно это сообщество стало ведущим в распространении идей бегунов и вело активную прозелитическую деятельность.

Помимо этого, выделим еще один любопытный социальный парадокс страннического сообщества, основанного на институте «жиловых». При закрытости религиозной жизни, последователи Евфимия отнюдь не стремились полностью разорвать свое общение с внешним «грешным» миром. Странничество, во многом благодаря «мирским», сумело адаптироваться к жизни в модернизирующемся мире. Более того, их общины оказывались интегриро-

<sup>5</sup> Ивановский Н.И. Указ. соч. С. 78.

<sup>6</sup> Там же. С. 5–6.

ванными в локальные социальные структуры. В большей степени конспирация была нацелена на «сокрытие» от губернской администрации и епархиальных миссионеров, в то время как местное начальство и полиция закрывали на них глаза. Странническое сообщество подобного типа было случайно обнаружено в известном крупном центре с. Сопелки Ярославской губернии экспедицией графа Ю. Стенбока-Фермора в 50-е г. XIX в., отправленной для дополнительной проверки по расколу. Как справедливо отметил И.Э. Кузинер, открытие «новой» раскольничьей секты стало серьезным шоком для чиновников из экспедиционной комиссии [Кузинер 2021а, с. 31–32]. И официозная, и народная историография второй половины XIX в. поверила в существование огромных бегунских сообществ, протянувшихся, словно сети, во все уголки империи и угрожавших общественному порядку.

В позднеимперский период градус восприятия староверов-странников неоднократно менялся в разные стороны в зависимости от настроения коллективного воображения. Временем первого всплеска интереса к бегунам стали 60-е г. XIX в., во многом благодаря А. Щапову, трактовавшему раскол (и особенно странническое направление) как своеобразный «базис» русского федерализма. Благодаря подобным нарративам «воображаемые» советы бегунов стали столь желаемым объектом поиска для многих будущих революционеров. Пути к этому «тайнику» народных идеалов вели в Поволжье, где сформировались крупные центры странников.

### *Странники на рубежах Саратовского Поволжья во второй половине XIX в.*

К 60-м г. XIX в. страннические сообщества из окрестностей Ярославщины, где совершила свое «открытие» экспедиция Стенбока, постепенно проникали в соседние земли, в том числе и вниз по Волге. Саратовская губерния этого времени вполне могла оказаться в ряду тех провинций, где скрывались потенциальные центры «протестных» старообрядцев. И именно сюда в начале 1870-х гг. в надежде встретиться с бегунами приехал известный народник-революционер А. Михайлов, известный своими особыми симпатиями к старообрядчеству. По воспоминаниям Г. Плеханова, изначально тот планировал «внедриться» именно к бегунам, которые пользовались «наилучшей репутацией»<sup>7</sup>. Однако наладить контакты со странниками ему не удалось в силу их недоверия

---

<sup>7</sup> Плеханов Г. Воспоминания об А.Д. Михайлове // Фигнер В.Н., Прибылева-Корба А.П. А.Д. Михайлов. Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. С. 63.

к посторонним. Зато положительным оказался опыт общения с другим согласием старообрядцев – спасовцами. С 1877 г. Михайлов поселился у спасовской семьи в с. Синенькие Саратовского уезда и даже стал учителем для детей староверов<sup>8</sup>. В силу обстоятельств Михайлов не смог продолжать реализацию своих проектов, но верил, что определенных успехов в сближении достиг, в то время как большинство народников, наоборот, разочаровывалось в поисках в среде «простонародных» мистиков.

Из воспоминаний Михайлова неясно, откуда он получил сведения о проживавших в Синеньких старообрядческих общинах. Однако данный выбор не случаен: уже на тот момент село было значимым центром староверов, где было представлено сразу несколько согласий. Приходское духовенство регулярно старалось зафиксировать сведения о сельских раскольниках. Так, согласно отчетной ведомости по раскольникам, в селе Синенькие за 1881 г. на приходе существовало 759 спасовцев и 70 «подпольщиков», под которыми очевидно угадываются странники<sup>9</sup>. Именно этот термин будет чаще всего фигурировать в материалах следственных процессов о странниках по Саратовской губернии. Как можно заметить, даже несмотря на конспирацию и целенаправленное стремление избежать фиксации в государственных документах, сведения о странниках все же попадали в руки приходского духовенства и местного начальства. Однако, как и их собратья из Ярославщины, саратовские бегуны были открыты не сразу.

Сложно назвать конкретные даты появления староверов-странников на правом берегу Волги возле Саратова. По некоторым свидетельствам, странническая секта появилась здесь в период 1858–1860 гг. – «в эпоху сильного религиозного движения, возбужденного между всеми... слухами о даровании... полной религиозной свободы сектантам...»<sup>10</sup>. Однако упоминаний «новой» секты в документах 1850–1860-х гг. не имеется. В списках раскольников, принадлежавших Золотовскому удельному приказу, отмечены фамилии старообрядцев-поморцев, которые давно существовали в данном районе, но нигде не фигурируют «подпольщики»<sup>11</sup>. Однако в документах приказа отразились интересные реалии ситуации, сложившиеся

<sup>8</sup> Показания А.Д. Михайлова на следствии // Там же. С. 119.

<sup>9</sup> ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 3305: Сведения о раскольниках по Саратовской епархии за 1881 г., кн. 1. Л. 138–139.

<sup>10</sup> Краткий очерк подпольнической секты в пределах волостей Золотовской, Ахматской и Синенькой // Саратовские епархиальные ведомости. Отдел. неоф. 1882. № 27. С. 186.

<sup>11</sup> ГАСО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 471: Дело об удельных крестьянах, содержащих разные секты в Золотовском удельном приказе. Л. 8–10.

в приволжских селах Камышинского уезда, которые нельзя игнорировать. Судя по всему, эта местность была удобной узловой точкой для разных миграционных траекторий, а также для «укрывательства» от администрации. Старостам удельных сел Золотовского приказа регулярно посылались предписания и инструкции, дабы те занимались преследованием беглых людей без «письменных видов». Сельское начальство, в свою очередь, отчитывалось, что отправляло людей для розыска беспаспортных «бродяг», однако чаще всего те никого не находили<sup>12</sup>. Впрочем, сверху этим рапортам не очень доверяли: еще в 1840-е гг. Саратовская удельная контора сетовала, что «в удельных имениях, расположенных по течению Волги, слабо исполняются местным начальством установленные к уничтожению пристанодержательства правила...»<sup>13</sup>. В вину старостам вменялось и то, что те не присылали вовремя сведения о рождаемости и смертности раскольников<sup>14</sup>. Нельзя однозначно сказать, с чем было связано возможное «нерадение» начальства и существовал ли некий «сговор» между ними и старообрядцами, пытавшимися незаметно вести свою деятельность (как это было в Сопелках). Однако точно известно, что местность на правом берегу Волги (Саратовский и особенно Камышинский уезды) имела благоприятную «почву» для появления нового течения странников. Во-первых, во многих селах местности уже на тот момент проживали старообрядцы, в основном поморского согласия, до которых легче было донести эсхатологическую проповедь. Во-вторых, судя по документам, на территории часто оказывались бродяги, а также имелись возможности для создания «пристанодержательств». Конечно, среди таких были отнюдь не только «скитальцы», мотивированные религиозными причинами, однако со временем туда могла проникнуть проповедь «истинно-православных христиан».

Сведения о существовании и обнаружении «раскольниковчей» секты «подпольников» были собраны отцом Василием Еланским, приходским священником села Золотого и местным краеведом. Его же авторству принадлежит ценный материал – церковно-приходская летопись села Золотого, которая велась им с 1868 по 1882 г. Ныне сохранившаяся рукопись в ГАСО представляет собой переписанный членом Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК)

---

<sup>12</sup> Там же. Д. 557: Дело о розыске и задержке беглых и беспаспортных людей по Золотовскому удельному приказу. Л. 33.

<sup>13</sup> Там же. Д. 419: Предписание Саратовской удельной конторы о запрещениях укрывать бродячих лиц в селениях у реки Волги крестьянам Золотовского приказа. Л. 1–10б.

<sup>14</sup> Там же. Д. 716: Дело о представлении пристава 2-го стана Камышинского уезда списка о крестьянах, содержащих различные секты. Л. 10.

С. Щегловым текст той самой летописи, которую Еланский вел по распоряжению епархиального начальства [Агеева 2000]. В этой хронике много сведений краеведческого характера, включая особенности религиозной жизни и обычаев местного крестьянства. Среди них есть и сообщения о столкновениях с бегунами-«подпольниками» и их верованиях<sup>15</sup>. На основе собранных материалов, включая отобранные рукописи и письма, Еланский также писал заметки о расколе и его распространении на приходе, которые были опубликованы в Саратовских епархиальных ведомостях за 1882 г.<sup>16</sup>

Священником отмечено, что распространение странничества было связано с проповедниками, посланными упомянутым Никитой Семеновым – ключевой фигурой для странничества того времени. Одним из первых «распространителей» страннической проповеди стал некто Анфиноген Ларионов, крестьянин родом из Иваново-Вознесенска Владимирской губернии, которому, судя по всему, был присущ религиозный авантюризм. Из-за несогласия с Семеновым и другими бегунскими наставниками тот даже бежал от строгой «подпольнической дисциплины» в Саратов, правда, не оставляя своих убеждений. Вскоре он вновь стал проповедовать в д. Бабановка, куда его в начале 1860-х гг. пригласил обратившийся в странничество местный крестьянин Василий (в крещении – Емельян) Фролов. Страннические идеи, как оказалось, нашли отклик в среде бабановских крестьян, а затем взволновали и соседние села.

Под воздействием призыва Семенова в волости, где развернулся страннический прозелитизм, вскоре стали прибывать новые группы проповедников: «для укрепления новообращенных в вере и благочестии, он не замедлил выслать из разных мест целую фалангу других пропагандистов: беглых солдат, каторжников и т. д., бегляков, не ради душевного спасения, а ради разгульной и привольной жизни в подпольях уклонившихся в странство...»<sup>17</sup>. Таким образом, опасения начальства из Золотовского удельного приказа возникли отнюдь не на пустом месте. Среди перечисленных Еланским «проповедников» немало беглых от военной службы: как выходцы из Верхнего Поволжья, так и недавно обращенные крестьяне Саратовской губернии. В результате «...совокупным действием всех этих беглых и беспаспортных личностей подпольническая секта живо

---

<sup>15</sup> Там же. Ф. 407. Оп. 2. Д. 895: Рукопись Щеглова С.А. «Летопись села Золотого». 101 л.

<sup>16</sup> Краткий очерк подпольнической секты в пределах волостей Золотовской, Ахматской и Синеньской // Саратовские епархиальные ведомости. Отдел. неоф. 1882. № 27. С. 186–189; Там же. № 29. С. 191–196.

<sup>17</sup> Краткий очерк подпольнической секты в пределах волостей Золотовской, Ахматской и Синеньской... С. 189.

распространилась по всему Поволжью, начиная от Синеньких и до самого Лаптя»<sup>18</sup>.

Очень скоро Анфиноген вновь вступил в противоречия со своими собратьями тем, что принял без перекрещивания в число «совершенных» христиан, т. е. собственно странствующих двух девиц. Еланский не упустил возможности подчеркнуть, что бегунский наставник вел «развратный» образ жизни: «помимо других привезенных им в Бабановку полюбовниц, с которыми жил в секретной связи, завел себе еще новую любовницу, с которой, на соблазн другим и жил себе открыто, никем и ничем не стесняясь»<sup>19</sup>. Из-за давления со стороны других наставников, тот потерял позицию лидера и уехал в с. Синенькие, а для продолжения прозелитической деятельности был послан некий «креститель» Евтихий Павлов. Однако и он спустя некоторое время «круто» переменял свое поведение в худшую сторону: «начал пьянствовать, развратничать и обзаводиться любовницами»<sup>20</sup>. После осуждения со стороны единоверцев Евтихий покинул странничество и, перейдя в православие, вернулся в с. Ахмат, где женился на одной из бывших любовниц. Вполне вероятно, что рассказ отца Василия Еланского может не отражать всех реалий жизни саратовских бегунов. Для священника особенно важно было сделать акцент на «безнравственности» старообрядческих вождей и дискредитировать «вредоносную» для православных секту. Нет сомнений, что, несмотря на внутренние противоречия, сообщество бегунов смогло пустить крепкие корни на обозначенных землях и сформировать свои центры.

## *Заключение*

Странническое согласие – во многих аспектах уникальный феномен в контексте старообрядческой истории. Его доктрина и религиозно-социальные практики, а также реакция на них властей, духовенства и общества заметно отличались от той картины, которую можно увидеть в отношении других течений староверов, хотя в общих чертах странники воплощают традиционную модель беспоповщины. Странники вели своего рода «двойную жизнь», с одной стороны, призывая к «бегству от антихриста», а с другой – формируя серьезную самоорганизующуюся систему, обеспечивающую взаимную поддержку и коммуникацию единоверцев. Подобный образ жизни способствовал тому, что странничество заняло

---

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Там же. С. 192.

<sup>20</sup> Там же.

маргинальную нишу в социальном и культурном пространстве российской провинции. Саратовская губерния была не исключением: сохранившиеся архивные документы позволяют рассмотреть их возникновение и жизнедеятельность. Несмотря на тщательную конспирацию, странники не смогли увернуться от ока административного надзора: дальнейшая история показывает, что они не раз окажутся в числе осуждаемых.

## *Литература*

---

- Агеева 2000 – *Агеева Е.А.* Церковная жизнь и повседневный быт русского села по приходским летописям XIX – начала XX века // Исторический вестник. 2000. № 3. С. 127–136. URL: [https://www.orthedu.ru/ch\\_hist/hi\\_rpz/815age.htm](https://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/815age.htm) (дата обращения: 27.06.2025).
- Дутчак 2007 – *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 414 с.
- Кузинер 2021a – *Кузинер И.Э.* Красная смерть Кабанкина: старообрядцы-странники и русское ритуальное убийство в позднеимперской России // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 60–87.
- Кузинер 2021б – *Кузинер И.Э.* Милленаристы, капиталисты, кооператоры: позднеимперский и раннесоветский опыт старообрядцев-странников // *Ab Imperio*, 2021. № 2. С. 25–59.
- Мальцев 2000 – *Мальцев А.И.* Краткая формула исповедания веры у староверов-странников // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы научной конференции / ред. В.И. Осипов, Е.И. Соколова. М., 2000. С. 62–69.
- Мальцев 1996 – *Мальцев А.И.* Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 268 с.
- Пулькин 2020 – *Пулькин М.* Старообрядцы-странники во второй половине XIX – начале XX в. (на основе отчетов каргопольских миссионеров) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 3 (38). С. 207–222.

## *References*

---

- Ageeva, E.A. (2000), Church life and everyday life of the Russian village according to the parish chronicles of the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> centuries, *Istoricheskii vestnik*, no. 3, pp. 127–136, available at: [https://www.orthedu.ru/ch\\_hist/hi\\_rpz/815age.htm](https://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/815age.htm) (Accessed 27 June 2025).
- Dutchak, E.E. (2007), Iz “Vavilona” v “Belovod’e”: adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.) [From “Babylon” to “Belovodye”: adaptive capacity of the

- taiga communities of Old Believers-Wanderers (the second half of the 19<sup>th</sup> century – the beginning of the 21<sup>st</sup> century)], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Kuziner, I.E. (2021), “‘The Red Death’ of Kabankin: the wanderers and the Russian ritual murder in the late Romanov’s Empire”, *Antropologicheskii forum*, no. 49, pp. 60–87.
- Kuziner, I.E. (2021), “Millenarians, capitalists, cooperators: the late Imperial and early Soviet experience of the Old Believers-wanderers”, *Ab Imperio*, no. 2, pp. 25–59.
- Maltsev A.I. (2000), “The short formula of the profession of faith of the Old Believers-wanderers”, in Osipov, V.I. and Sokolova, E.I., eds., *Starobryadchestvo: Istoriya, Kul'tura, Sovremennost': Materialy nauchnoi konferentsii*, Moscow, Russia, pp. 62–69.
- Maltsev, A.I. (1996), *Starovery-stranniki v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Old Believers-wanderers in the 18<sup>th</sup> – the first half of the 19<sup>th</sup> century]*, Sibirskii khronograf, Novosibirsk, Russia.
- Pul'kin, M. (2020), “Old Believers-wanderers in the second half of the 19<sup>th</sup> – the beginning of the 20<sup>th</sup> century (on the basis of the Kargopol missionaries’ reports)”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 38, no. 3, pp. 207–222.

### *Информация об авторе*

*Владислав А. Карташов*, аспирант, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, Астраханская ул., д. 83; ya.qwe987@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0002-5417-3380

### *Information about the author*

*Vladislav A. Kartashov*, postgraduate student, Saratov State University, Saratov, Russia; 8, Astrakhanskaya St., Saratov, Russia, 410012; ya.qwe987@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0002-5417-3380